

ПРОБЛЕМА ЭСТЕТИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО В ФИЛОСОФИИ ЖАКА РАНСЬЕРА

Е. А. Ирдиненко

*Луганская государственная академия культуры и искусств
имени М. Матусовского*

Поступила в редакцию 2 февраля 2017 г.

Аннотация: *Жак Рансьер – один из влиятельных эстетиков современности, чьи многочисленные оценки творчества оформились сегодня в стабильную репутацию французского философа и писателя. В статье анализируется проблема политического и эстетического в творческом наследии Жака Рансьера. Философ делает акцент не только на описании «чувственных очевидностей», но и на задаче реконфигурации сложившейся системы разделения чувственного. Задача перераспределения чувственного реализуется, с его точки зрения, в политической и эстетической практике.*

Ключевые слова: *французская эстетика, эстетическое, политическое, феноменология, творчество, французская гуманистика, новая критика.*

Abstract: *Jacques Ranciere is one of the influential aesthetic of the present time whose numerous estimates of creativity were issued in stable reputation of French philosophy and writer. In the article the problem of political and aesthetic in the creative heritage of Jacques Ranciere is examined. Ranciere pay attention not on the describing of sensual dividing. The task of the sensual dividing, from his point of view, realized in political and aesthetical practice.*

Key words: *French aesthetics, aesthetical, political, phenomenology, creativity, french humanistic, new critics.*

История развития мировой философско-эстетической мысли имеет множество приставок, например «мета», «нео», «пост», каждая из которых приводит содержательные аргументы легитимности своего существования. В данном контексте приставка «пост» указывает на качественно новые образования, дополняющие уже существующие установки [1, с. 6]. На сегодняшний момент современные французская философия и эстетика привлекают ученых всего мира. Хотелось бы отметить прежде всего работы французских исследователей А. Бадью, В. Декомба, Ж.-П. Пети, Ж. Рансьера, М. Серра, Д. Эрибона, Ж.-Л. Мариона; англоязычных А. Бредли, Г. Гаттинга, А. Шриффа; а также российских, таких как Н. С. Автономова, Д. А. Ардамацкая, И. С. Вдовина, М. Н. Грецих, А. А. Грякалова, А. В. Дьякова, Н. Б. Маньковская, Э. П. Юровская. Отметим работу Винсента Декомба «Современная французская философия», куда входят два его произведения «Рождественное и иное», посвященное анализу развития философской мысли во Франции с 1933 по 1978 г., и «Философия грозových времен». Анализируя развитие философско-эстетической мысли Франции, стоит учитывать политический

активизм этой страны. Комментируя естественное движение к политике, следует учитывать интеграцию философов во французскую культуру и общество. Естественным для французских философов является принятие политической точки зрения. Политическое участие – неотъемлемая часть французского философствования. Как подчеркивает Г. Гаттинг, со времен Ж.-П. Сартра сама философия была рассмотрена как средство политического сотрудничества. Эта связь с политикой позволяет лучше понять философскую точку зрения во Франции начиная с 1960 г. [2, с. 1].

Жак Рансьер (р. в 1940) – одна из наиболее знаковых фигур в пространстве философско-эстетической мысли рубежа XX–XXI вв., один из влиятельных эстетиков современности, чьи многочисленные оценки творчества оформились сегодня в стабильную репутацию французского философа и писателя. Жак Рансьер не обделен вниманием как зарубежных, так и российских философов, эстетиков, литературоведов. Он, не будучи публичным интеллектуалом, является одной из немногих фигур в современном мировом философско-эстетическом пространстве, которая воспринята в разных культурах.

Ж. Рансьер не вписывается ни в одни из магистральных образов французской философии и эстетики. Он начинал свою интеллектуальную деятельность в кругу Луи Альтюссера вместе с другим французским философом Аленом Бадью, развивал многие идеи первого, дополняя их классическими образами. Несмотря на то, что в студенческие годы Рансьер активно общался с Альтюссером, в их взглядах были значительные расхождения с Жилем Делёзом. К примеру, Бадью в отличие от Рансьера в основном не принимал взгляды Делёза. Что же касается Рансьера, то Делёз фактически остается действующим мыслителем в плане его продолжающихся размышлений о политической функции искусства. Эстетика для Рансьера есть нечто причастное к сфере пространства и времени.

Жак Рансьер родом из Алжира, он был выходцем бывших колоний. Участвовал также в событиях 1968 г. Отметим, что просвещенные слои французского сообщества в мае 1968 г. извели самое большое потрясение в своей жизни: революция, о которой так долго говорили, разразилась безо всякого предуведомления; но в конце концов эта революция, быть может, не была революцией. Как пишет широко известный философ и литературовед Винсент Декомб: «Для Альтюссера, например, май 68-года означал самую крупную в мировой истории рабочую забастовку, которой “предшествовал” и “дублировал” глубокий идеологический бунт в среде студентов и мелкобуржуазных интеллектуалов Франции. Все богатство волнений мая 68-го состояло в дерзости недовольства, в безудержном характере критики. Альтюссер прячет под хорошо известной «рабочей забастовкой» неизвестное, понять которое он отказывается, т. е. «глубокий идеологический бунт» [3, с. 162].

Жак Рансьер упрекал Альтюссера в непоследовательности, а также в его нежелании участвовать в учреждении политики. Он считал, что политика – это не то, что дано, а то, что нужно учредить. Следует подчеркнуть, что в начале 60-х гг. широко обсуждался вопрос о «конце филосо-

фии». Считалось, что западный *ratio* исчерпал свои возможности, достиг конца пути. Выражение «конец философии» заимствовано у М. Хайдеггера, но оно употреблялось в самых различных смыслах: одни хотели этим сказать, что пришло время перехода от теории к политическому действию. Ж. Деррида вслед за Батаем и Бланше предлагает противоположный диагноз: история уже завершилась. Деррида в работе «Голос и феномен» пишет: «Мы просто верим в абсолютное знание, как в завершение, если не как конец истории. Для того, что “берет начало” в этом случае “по ту сторону” абсолютного знания, требуются неслыханные мысли, которые стараются встретиться друг с другом через воспоминания о старых знаках» [3, с. 133].

«Эстетика исчезновения» как концепция была введена в научный оборот французским философом П. Вирильо. Его работа так и называется «Эстетика исчезновения» (1989). Позднее подобные предпосылки возникли в работах Ж.-Л. Деотта как антитеза «эстетическому режиму искусства», а также в творчестве Рансьера для анализа чувственности в условиях политико-тоталитарных режимов. Как подчеркивает в своем диссертационном исследовании Д. А. Ардамацкая: «Мы наблюдаем множество разрозненных теорий, касающихся проблематики исчезновения. По мнению ученого, «исчезновение» обладает значительным потенциалом, в нем намного меньше ситуативности и метафоричности, чем в феноменах ауры, симуляции, призрачности. Современная эстетика провозглашает панэстетизм (Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида) и практически выравнивает области философии и эстетики» [4, с. 4]. Согласно позиции А. Бадью, французская эстетика развивается в противостоянии двух тенденций (от Бергсона до Делёза) и философии чистых понятий (от Брюншвика до Леви-Стросса, Альтюссера и Лакана). Другой английский исследователь А. Бредли, опираясь на труды Ж. Деррида, Э. Левинаса и Ж.-Л. Мариона, приходит к выводу, что в последние тридцать лет во французской философии произошел поворот от политической проблематики к негативной теологии [4, с. 5].

Особенно активный исследовательский интерес вызывает работа Жака Рансьера «Разделяя чувственное» (*Le partage du sensible*) [5]. По мнению М. А. Шестаковой, характеризуя концепцию философа как феноменологию, необходимо отметить, что она не является чисто описательной. Рансьер делает акцент не только на описании «чувственных очевидностей», но и на задаче реконфигурации сложившейся системы разделения чувственного. В этом смысле Рансьер выходит за границы феноменологии. Задача перераспределения чувственного реализуется, с его точки зрения, в политической и эстетической практике. Подлинную политику и искусство он трактует как несогласие с установленным режимом разделения чувственного, как деятельность по реконфигурации сложившегося чувственного порядка, как введение новых субъектов политической и эстетической деятельности, меняющих наличное разделение чувственного [6]. Под разделением чувственного Рансьер имеет в виду систему чувственных очевидностей, которая одновременно демон-

стрирует существование чего-то общего и членений, определяющих в нем соответствующие места и части. Философ подчеркивает, что таким образом разделение чувственного фиксирует одновременно и разделяемое общее, и взаимоисключающие части. Это подразделение частей и мест основывается на разделении пространств, времен и форм деятельности, определяющем сам способ, которым общее предоставляется участию и которым те или иные владеют в этом разделении своей частью [5, с. 14]. Как отмечает М. А. Шестакова, реконфигурация чувственного у Рансьера, осуществляется политиками и художниками как самодостаточная деятельность, не связанная с реализацией каких-либо социальных идей и программ. Анализ взаимоотношений между художниками и рабочими Рансьер углубляет через исследование отношений искусства и труда [6]. Исходя из первичной эстетики, ученый ставит вопрос об «эстетических практиках» в том смысле, в котором мы его понимаем, т. е. вопрос о формах зримости художественных практик, о месте, которое они занимают, о том, что они делают в отношении общего. Если «эстетика», по мнению Ж. Рансьера, позволяет нам идентифицировать объекты, типы опыта и формы художественной мысли, которые мы, чтобы ее разоблачить, считаем, что сумели обособить. Развязать узел, чтобы лучше различить в их своеобразии художественные практики или эстетические аффекты, вполне возможно, означает обречь себя на упущения этого самого своеобразия [5, с. 51]. В своем творчестве Рансьер обращается к классическому наследию Платона и Аристотеля и применяет его к сегодняшнему дню. Он подчеркивает, что Платон выделяет две главные модели. Две главные формы существования и чувственной эффективности речи – театр и письмо, которые станут также и формами структурирования режима искусств вообще. Между тем эти формы исходно оказываются заодно и определенным режимом политики, режимом неопределенности самоличности, делегитимизации речевых позиций, расстройства подразделений пространства и времени. Этот эстетический режим есть не что иное, как режим демократии, режим собрания ремесленников, режим незыблемых письменных законов и театральных установлений [5, с. 15]. Мы согласимся с позицией М. А. Шестаковой, подчеркивающей, что разделение чувственного является базовым понятием, по отношению к которому Рансьер определяет политику, эстетику, искусство и труд [6].

В 2004 г. на русском языке выходит работа Жака Рансьера «Эстетическое бессознательное» [7], в которой он подчеркивает, что не попытается применить фрейдовские теории к области эстетики, не стремится определить, как фрейдовские понятия прикладываются к анализу и интерпретации литературных текстов и произведений изобразительного искусства. Наоборот, он задается вопросом о том, почему интерпретация этих текстов и произведений занимает стратегическое место в доказательстве уместных понятий и форм аналитической интерпретации [7, с. 3]. Позднее им публикуются такие книги, как «Эстетика и политика» (*Esthétique et politique*), «Неудовлетворенность эстетикой» (*Malaise dans l'esthétique*) и многие другие.

В 2013 г. на русском языке впервые вышла работа Жака Рансьера «Несогласие: политика и философия», в которой ученый ставит перед собой вопрос о том, существует ли вообще политическая философия. Он отмечает, что политическая философия является естественным разделом философии, сопровождающим политику своей, пусть даже и критической, рефлексией [8]. Отметим, что первые попытки осмыслить «политическое» можно найти в работах М. Джейа, Г. Еллинека, Б. Кроче, М. Вебера, Х. Майера, Ш. Муфф. Политика, по мнению Рансьера, – это деятельность, принципом которой является равенство, принцип же равенства преобразуется в затруднительность распределения ролей в обществе. Как мы уже подчеркивали, обсуждение политики философ начинается с критики античных мыслителей, Платона и Аристотеля. Рансьер полагает, что он «переизобретает» политику, хотя он скорее возвращается к первой известной европейцам ее форме – в греческий полис. Ученый отмечает: Аристотель отводил для политики особую сферу он называл ее публичной. В ней действовали свои законы, и главным из них было равенство. Это, в свою очередь, было главным условием той игры, которую мы назовем политикой. Гражданин, говорит Аристотель, участвует в управлении как управляющий и как управляемый [5, с. 134]. У Рансьера политика приводит к распределению благ, где ее цель состоит в всеобщем благе, т. е. цель политики – вне политики. Платон исходил из того, что политика должна преследовать свои внутренние цели и, в конечном счете, подчинена цели воспитания граждан. Для Рансьера политика это самовоспитывающаяся система. В своем государстве Платон изображает самоорганизующееся и самовоспитанное общество. Рансьер, как и многие мыслители своего поколения, использует математические образы. Он говорит о том, что нужно правильно распределять пропорции. Политика для Рансьера – это во многом эстетический вопрос, а не политический. Когда мы живем в обществе, которое само себя организует, которое развивается по собственным законам, оно нуждается в символическом упорядочивании. Общество должно представлять из себя не только работающий механизм, а иметь цельность для символического упорядочивания. Для Рансьера политика строится на упорядочивании и дисциплинированности. По его мнению, она настаивает на равенстве. Равенство в политике является подавляющим. Термин «несогласие» Рансьер использует в философском контексте, а именно как несогласие между значениями привычных понятий. Несогласие, по мнению ученого, – это присутствие двух миров в одном. Несогласие – отнюдь не недопонимание. Понятие недопонимания подразумевает, что один из собеседников или оба в силу простого неведения, согласованного замалчивания или неотъемлемого заблуждения не знает того, о чем говорят сами или о чем говорит другой. Ученый подчеркивает: «Несогласие распространяется не только на слова. Оно более общим образом распространяется на саму ситуацию тех, кто говорит. В этом несогласие отличается от того, что Ж.-Ф. Лиотар вложил в понятие распри. Несогласие не затрагивает вопрос разнородности режимов фраз и наличия либо отсут-

ствия правила оценки разнородных типов дискурса. Оно затрагивает не столько аргументацию, столько чувственное предъявление этого общего, саму способность собеседников его предъявить» [6, с. 16]. Жак Рансьер отмечает, что там, где философия встречается с поэзией, политикой и мудростью честных торговцев, ей приходится перенимать чужие слова, чтобы сказать, что она говорит нечто совсем иное. Тут-то и заявляет о себе несогласие [8, с. 16]. Рансьер разрабатывает свою доктрину об эстетической политике как об исследовании о несогласии. Он подчеркивает, что в политическом доверии мы утверждаем о существовании другого. Проблема другого всегда была соблазном для мысли. Художник рисует картину, а политика доверяет другому, признавая его полную легитимность. Так же как художник доверяет тому, что объекты, которые он создает, имеют смысл, т. е. художник выступает создателем мира, так и политик, доверяя другому, создает настоящую политику. Он создает мир своего другого как единственно законный для текущей политики. Сопоставление между эстетикой и политикой исключительно важно для Жака Рансьера. Он пытается не столько преодолеть идеи тотальности политики, сколько найти политику даже за ее пределами. Уклонение от политики Рансьер рассматривает как суть самой политики. В его понимании сопоставление между эстетикой и политикой связано с чувственным. В работе «Разделяя чувственное» Рансьер пишет: «Эстетика – это не общая теория искусства, препровождающая к его воздействию на чувства, а специфический режим идентификации и осмысления искусств – тип сочленения способов делать, из зримых форм и способов осмысления их соотношений, подразумевающих определенное представление о двойственности мысли» [5, с. 12]. Линия, проведенная на поверхности листа бумаги, разделяет и вместе с тем определяет общее пространство. Аналогично слова и формы определяют границы между искусствами и вместе с тем конфигурации зримого и мыслимого. Эти конфигурации одновременно являются и символическими, и материальными. Они пронизывают все социально-политическое пространство, создавая «формы жительствова в чувственном мире».

Таким образом, начав с разделения линией поверхности листа бумаги, Ж. Рансьер заканчивает конфигурациями социального опыта. Эстетика становится у него предпосылкой политики, а политика, направленная на реконфигурацию чувственного, в свою очередь, превращается в эстетику [5, с. 12]. В умозаключениях Рансьера чувственное постоянно созидается в чувственный опыт, в котором каждый получает свою точку зрения. Концепция разделения чувственного широко обсуждается в философии, эстетике и литературе. «Разделение чувственного» – понятие, сформированное на границе эстетики и политики. Из него вытекает рансьеровское определение как эстетической, так и политической деятельности. Политика и искусство становятся у Рансьера формами разделения чувственного. Своеобразное уравнивание политической и эстетической деятельности связано с общей феноменологической установкой Рансьера. Его концепцию разделения чувственного можно

охарактеризовать как эстетическую феноменологию. Ученый ссылается на опыт модернистского искусства. Он пишет: «Я считаю, что понятие «модерн» и «авангард» вряд ли проливают достаточный свет для осмысления как появившихся за последний век новых художественных форм, так и отношений между эстетическим и политическим. В действительности они смешивают две совершенно разные вещи: с одной стороны, те переломные и упреждающие решения, которые совершаются внутри этого решения. Понятие эстетического модерна охватывает, не придавая ему ничего концептуального, своеобразие частного режима искусства, т. е. специфической связи между типами производства или практиками» [5, с. 21]. Классическая живопись в его взглядах уместна лишь тогда, когда не существовало еще промышленного производства. В своих взглядах философ разделяет модернистские и постмодернистские позиции, однако между ними он не проводит разграничений. Он пишет о том, что у всех людей есть свои собственные интересы, но частные интересы могут совпадать с интересами других. В решающий момент разделения чувственности есть единый интерес. По его мнению, это есть событие. Он отмечает, что для М. Хайдеггера событие есть внутреннее переживание, где чужая проблема может стать твоей. Поступок – это готовность принять на себя ответственность за чужие решения. Если Платон и Аристотель говорили о политике как о гражданине, они соответствовали духу старого искусства, искусства, в котором не может быть стерта граница между отдельным человеком и публикой, то в современной политике необходимо перенести акценты отдельного человека на правила разделения чувственного. Рансьер решает этот вопрос таким образом. Хотя опыт является общим, способности судить одинаковые, всякое суждение, по его мнению, ситуативно. Суждение это прежде всего возможность отличить одно от другого. Философ пытается отличить в современной политике общий интерес от частного. Он расширяет само понятие интереса. Ссылается на опыт модернистского искусства. Пытается провести параллели между классической живописью и авангардом. Классическая живопись есть классическая репрезентация, незаинтересованное созерцание было до промышленного производства. В современном развитии промышленности невозможно поддерживать иллюзию. Рансьер говорит о модернистском искусстве, частное связывание репрезентаций было заменено общим проектом чувственности. По его мнению, старое искусство требует любителей, новое искусство является делом интеллектуалов. Старые философы прокладывали маршрут, старая философия аргументировала типы новой философии, в которой мы переходим от частного знания к общему знанию. Это философия способна говорить о разных режимах искусства. Он говорит о том, что первоначальный режим был поэтическим. Он настаивал на том, что каждое искусство имеет свое место в иерархии искусств. Эстетический режим отличает нашу чувственность. К эстетическому режиму должна добавляться классика. Старый подход, настаивающий на отдельных правилах, новый подход, модернистский и постмодернистский, в котором нет отдельных жанров и стилей. Так,

в работе «Поверхность дизайна» Рансьер плавно переходит от эстетического опыта к социальному. Его интересует, как дизайнерские практики XX в. определяют другие виды практик, в том числе практики «создателей товаров, тех, кто раскладывает товары на витрине или размещает их изображения в каталогах, тех, кто проектирует здания и афиши, тех, кто выстраивает «обстановку города», но также и политиков, которые предлагают новые формы сообщества вокруг определенных институций» [7]. Рансьер пишет о том, что в основе политики лежит «некая эстетика», не имеющая ничего с той свойственной веку эстетизацией политики, о которой говорит Беньями. Эту эстетику не следует понимать в смысле извращенного захвата политикой художественной воли, отношением к народу как к производству искусства. Если воспользоваться аналогией, ее можно понимать в Кантовском – при случае пересмотренном по Фуко – смысле как систему априорных форм, определяющих то, что представляется ощущению, это некое членение времен и пространств, зримого и незримого, речи и шума, определяющее одновременно и место, и цели политики как формы опыта. Политика опирается на то, что видишь и что можно об этом сказать, на того, кто наделен компетенцией видеть и способность сказать, на свойства пространства и временные возможности [5, с. 15].

Таким образом, отметим, что, безусловно, интерес к творчеству Жака Рансьера в мировом эстетическом сообществе возрастает на сегодняшний момент. Существует множество переводов его творческого наследия, которое пересекается с выдающимися философами-современниками. Жак Рансьер подчеркивает тот факт, что искусство и политика изменяют зону видимости, соотношение между тем, что может быть сказано, увидено и сделано. В этом плане подлинная политическая и эстетическая деятельность рассматриваются Рансьером как равноправные практики, создающие новый чувственный опыт. Специфичной чертой феноменологии Ж. Рансьера является, на наш взгляд, ее эстетический характер. Искусство становится моделью для исследования социальной реальности.

Литература

1. *Куцепал С. В.* Французька філософія другої половини ХХ століття : дискурс із префіксом «пост» / С. В. Куцепал. – Київ : Вид. Парапан, 2004. – 324 с.
2. *Gutting Gary.* Thinking the impossible. French philosophy since 1960 / Gary Gutting. – Oxford University Press. – 216 p.
3. *Декомб Винсент.* Современная французская философия / Винсент Декомб. – М. : Весь мир, 2000. – 344 с.
4. *Ардамацкая Д. А.* Проблема исчезновения в современной французской философии и эстетике : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д. А. Ардамацкая. – СПб., 2011. – 27 с.
5. *Рансьер Жак.* Разделяя чувственное / Жак Рансьер. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2007. – 264 с.

6. Шестакова М. А. Разделение чувственного. Эстетическая феноменология Жака Рансьера / М. А. Шестакова // Философия и общество. – 2014. – № 3 (75). – С. 120–130.

7. Рансьер Жак. Эстетическое бессознательное / Жак Рансьер. – СПб. : Machina, 2004. — 128 с.

8. Рансьер Жак. Несогласие. Политика и философия / Жак Рансьер / СПб. : Machina, 2013. – 192 с.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского

Ирдиненко Е. А., кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, заместитель декана факультета социокультурных коммуникаций

E-mail: ird-kat@yandex.ru

Tel.: 050-967-21-17

Luhansk State Academy of Culture and Art named after M. Matusovsky

Irdynenko E. A., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Culturology Department, Vice-dean of the Social and Cultural Communication Faculty

E-mail: ird-kat@yandex.ru

Tel.: 050-967-21-17